

Эпидемия COVID-19 в Нигерии

Коронавирус в Нигерии был обнаружен 27 февраля 2020 г. На 7 июня в стране насчитывалось 12 233 зараженных коронавирусной инфекцией, 342 человека умерли, 3826 – выздоровели. Таким образом, по числу инфицированных Нигерия оказалась на третьем месте в Африке, отстав по этому показателю от ЮАР (45 973) и Египта (32 612). Если абстрагироваться от несовершенства нигерийской статистики в целом и касающейся эпидемии, в частности, следует признать, что скорость распространения коронавируса в 200-миллионной стране с высокой плотностью населения (более 220 человек на кв. км; для сравнения: в ЮАР – около 50) не столь уж и велика. По информации, например, на 6 мая число инфицированных составляло 2950, т.е. за две с половиной недели этот сравнительно невысокий (по европейским и американским масштабам) показатель вырос менее чем в два раза даже по подсчетам Университета Джона Хопкинса (США), который регулярно показывает цифры, превышающие мировые статистические данные.

Относительно невысокий на данный момент уровень распространения инфекции в Нигерии можно объяснить, во-первых, тем, что страна пока находится лишь в начале «большого пути» в этом направлении; во-вторых, незначительным, по сравнению с соответствующими показателями для Северной Африки и ЮАР, числом иностранных туристов, ежегодно посещающих страну, и, в-третьих, со своевременным введением «карантинных» мер. 23 марта Нигерия закрыла все аэропорты для международных авиарейсов и приостановила выдачу виз гражданам многих стран; 30 марта были резко ограничены въезд в Абуджу, Лагос и еще в 12 крупных городов, а также передвижения между штатами; закрыты все офисы и предприятия, кроме имеющих «стратегическое» значение; запрещены массовые мероприятия, пребывание на улице «без крайней необходимости» и без маски, нарушение дистанции и др.

Важную роль в преодолении эпидемиологического кризиса сыграло министерство здравоохранения Нигерии, развернувшее масштабную информационную кампанию, в которую были вовлечены все СМИ, в том числе радио, телевидение и Интернет. Власти активно использовали социальные сети, такие как *Facebook* и *Twitter*, для оповещения граждан о возникновении угрозы. За короткие сроки правительство смогло аккумулировать большие объемы средств, персонала и препаратов для приостановки распространения инфекции.

Эти меры позволили Нигерии избежать вспышки эпидемии в самом ее начале – в марте, однако уже во второй половине апреля – в первые недели мая рост числа заболевших ускорился. Прежде всего это связано с тем, что в отличие от ситуации в политических и

административных центрах (Абуджа и Лагос с пригородами), где т.н. Целевая группа по борьбе с COVID-19 стремилась по возможности контролировать выполнение условий карантина посредством усиленных полицейских и военных патрулей, в отдаленных регионах полномочия по борьбе с эпидемией были переданы в руки местных властей, которые по-своему интерпретировали как саму угрозу, так и антикоронавирусные меры, причем зачастую в ущерб населению.

Так, чрезвычайно сложная ситуация сложилась в северном мусульманском штате Кано, где правительство не желало вводить карантин до конца апреля, пока не было вынуждено это сделать по прямому требованию президента Мухаммаду Бухари; лишь 28 апреля штат был полностью заблокирован на 14 дней. Главными противниками карантина выступили религиозные лидеры: запрещение проведения служб вызвало недовольство имамов, многие из которых восприняли это как очередной «заговор» христианского Юга против мусульманского Севера. В результате, несмотря на отстранение нескольких религиозных деятелей от выполнения их обязанностей за нарушение ограничительных мер, службы продолжались; отчасти по этой причине штат Кано стал одной из самых «горячих» коронавирусных точек Нигерии с числом заболевших, достигшим тысячи, в то время как в соседнем штате Кадуна количество инфицированных не превысило сотни человек.

Возможно, ситуация в Кадуне объясняется тем, что 25 марта штат первым в Нигерии был полностью закрыт на карантин (хотя, как выяснилось, не для всех, так как 28 марта, после поездки в Абуджу, заболел его губернатор Маллам Насир Эль-Руфай, заразивший еще четырех человек из своего окружения). Можно предположить, что относительно «спокойная» – по сравнению с другими регионами – обстановка в Кадуне сложилась благодаря решительности двух женщин – заместителя губернатора по вопросам здравоохранения Хадизе Сабуве Баларабе и комиссара (министра) здравоохранения штата Амине Балони, имевших большой опыт борьбы с инфекционными заболеваниями – лихорадками Эбола и Ласса и понимавших, что в случае быстрого распространения инфекции система здравоохранения не справится с потоком больных. Именно они и взяли на себя ответственность за принятие чрезвычайных мер. Среди проблем, к решению которых они приступили уже в начале эпидемии, – распределение продовольствия среди наиболее уязвимых слоев населения; обеспечение работы в условиях карантина микро-, малых и средних предприятий; предотвращение большого перерыва в процессе школьного и университетского образования и др.

На покупку продуктов питания и предметов первой необходимости правительство штата израсходовало 500 млн найр (1,3 млн долл.), организовав доставку «гуманитарной помощи» неимущим семьям. Большие рынки были закрыты, но в разных кварталах начали

работать временные палатки, чтобы людям не нужно было ходить на длинные расстояния. С большим или меньшим успехом началось обучение школьников и студентов с помощью радио-уроков. В работоспособном состоянии сохранилась и значительная часть неформального сектора экономики. Власти решили, что заблокировать его полностью не удастся, а потому лучше поставить под контроль: побудить торговцев и разносчиков соблюдать дистанцию, носить маски и т.д.

Все 19 северных штатов Нигерии вынуждены были решать и еще один сложный вопрос: что делать с учащимися (а их десятки тысяч) коранических школ, действующих по принципу интерната, – сосредоточить детей на территории учебных заведений или, напротив, распустить по домам? Разные школы решали этот вопрос по-разному, но эффект часто был негативным. В одних школах уже были зараженные дети, получившие инфекцию, попрошайничая на улицах в свободное от занятий время; из-за скученности и антисанитарных условий они легко заражали других, и интернаты превращались в очаги коронавируса. Другие, отправленные домой за сотни километров от школы, подхватывали инфекцию по дороге, а затем, не протестированные и не отправленные на карантин, распространяли ее среди родственников, соседей и односельчан.

Тестирование в отдаленных районах практически не проводится: по данным на 19 мая, в 10 лабораториях, расположенных преимущественно в крупных городах, проверку прошли лишь 35 345 человек.

В условиях эпидемии высветились наиболее острые проблемы нигерийской системы здравоохранения: неадекватное финансирование (в 2019 г. – 3,9% ВВП – около 1 млрд долл., т.е. примерно 5 долл. на человека в год); нехватка квалифицированных кадров врачей (около 50 тыс. – 1 на 4 тыс. человек) и среднего медицинского персонала; недостаточное количество больничных коек (5 на 10 тыс. человек); концентрация учреждений здравоохранения в городских центрах и ограниченный доступ к медицинскому обслуживанию для сельских жителей; недостаточное число машин скорой помощи и т.д. В 2020 г. на нужды здравоохранения выделены 4,5% общего объема бюджета, что на 10,5% меньше целевого показателя в 15%, установленного Африканским союзом.

Во время пандемии условия работы врачей усложнились, причем не только из-за опасности заражения (число заболевших медиков в Нигерии достигло нескольких десятков), но и действий полицейских, которые часто препятствуют передвижению работников здравоохранения (если это происходит не на специализированных автомобилях), ссылаясь на карантинные ограничения. В результате, несмотря на рост заболеваемости, Нигерийская медицинская ассоциация 20 мая объявила забастовку; правда,

уже на следующий день прекратила ее, получив от правительства гарантии того, что врачи не будут задерживаться ни при каких обстоятельствах.

Надо сказать, что сотрудники правоохранительных органов, призванных поддерживать порядок и контролировать выполнение правил карантина, отнеслись к выполнению своих функций с излишним «усердием»: к 17 апреля, когда количество скончавшихся от COVID-19 в Нигерии составило 13 человек, число убитых полицейскими «за нарушение карантина» достигло 18.

В результате эпидемии заметно обострились социальные противоречия. Так, многие нигерийцы злорадствуют по поводу того, что вирус, действительно, как ни странно, активно поражает политическую элиту страны, руководителей государственных учреждений, их помощников и родственников, т.е. тех людей, которые обычно отправляются на лечение за границу при малейшем недомогании. Нигерийцы тратят в общей сложности до 1 млрд долларов в год на пребывание в зарубежных больницах. Интересно, что президент Бухари, в 2015 г. пообещавший положить конец «медицинскому туризму» такого рода, в 2017 г. сам больше четырех месяцев провел в лондонской больнице. В настоящее время из-за закрытых границ состоятельные нигерийцы вынуждены пользоваться местными медицинскими учреждениями, что стало предметом постоянных насмешек небогатых граждан страны, которые припоминают властям еще и то обстоятельство, что они «недостаточно инвестировали в систему национального здравоохранения».

Между тем коронавирус уже нашел свою жертву в ближайшем окружении Бухари: 17 апреля в лагосском госпитале умер один из его ближайших помощников, бывший с 2015 по 2020 г. руководителем аппарата президента, – Абба Кияри (1952–2020). На его место был назначен известный политик, министр иностранных дел в 1984–1985 гг., т.е. в годы первого – военного – правления Бухари, – Ибрагим Гамбари.

Негативные прогнозы касаются и нигерийской экономики, которая в результате эпидемии может войти в рецессию. Степень последствий пандемии для разных стран неодинакова, однако в Нигерии, по прогнозам, из-за снижения внешнего спроса на нефть, разрывов в цепочках поставок, перебоев во внутреннем производстве темпы роста экономики могут снизиться на 3,4%. Только в результате падения цен на нефть Нигерия рискует потерять в этом году 15,4 млрд долл., или 4% ВВП. Пандемия также способна спровоцировать кризис в области продовольственной безопасности: падение объемов сельскохозяйственного производства может составить от 2,6 до 7%. Ситуация обостряется заметным ростом безработицы, уровень которой и до эпидемии превышал 20% трудоспособного населения.

Надо отдать должное правительству Бухари, которое оперативно приняло ряд мер, направленных на поддержку экономики. В частности, были выделены 50 млрд найр (128 млн долл.) в помощь мелким крестьянским хозяйствам и предприятиям; с 9 до 5% снижены процентные ставки по кредитам; 2,6 млн долл. направлены на стимулирование местного производства и производства в наиболее важных секторах, преимущественно связанных с медициной; отсрочены выплаты налога на добавленную стоимость и т.д.

4 мая правительство Нигерии сняло часть ограничений на передвижение в границах населенных пунктов и между штатами и разрешило открыть многие предприятия – при условии соблюдения ими санитарных норм. Однако послабления были вызваны отнюдь не сокращением числа жертв коронавируса, а исключительно развитием неблагоприятной экономической и социально-политической ситуации – сокращением доходов в результате замораживания экономической деятельности, ростом безработицы и, как следствие, недовольства карантинными мерами значительной частью нигерийцев, плачевное материальное положение которых вытесняет из их сознания угрозу заболеть COVID-19.

Эпидемия коронавируса становится фактором, влияющим на сложившуюся систему международных отношений как на глобальном уровне, так и в контексте двусторонних отношений. Так, африканские страны выступили с осуждением дискриминации своих граждан, якобы наблюдающейся в различных городах Китая. Поводом к подобным акциям послужили события, произошедшие в начале апреля в Гуанчжоу, где, по информации китайских СМИ, несколько нигерийцев заразили вирусом «иностранный происхождения» группу местных жителей; в результате местные власти вынуждены были изолировать 197 человек, повысить уровень эпидемиологической опасности с низкого на средний и отправить на принудительный карантин многих выходцев с Черного континента (а их в Гуанчжоу около 15 тыс.), несмотря на негативные результаты тестов на COVID-19.

В соцсетях тут же появились видеозаписи, на которых видно, как африканцев выселяют из жилых домов и гостиниц, отказывают в обслуживании в ресторанах и магазинах и т.д. Послы африканских стран, работающие в Пекине, направили в Министерство иностранных дел КНР письмо, в котором осудили «постоянные притеснения и унижение людей африканских национальностей». С подобными обвинениями выступила и Всеобщая африканская община Гуанчжоу, которая направила соответствующее письмо в ООН. Спикер Палаты представителей Нигерии Феми Гбаджабиамила в беседе с послом КНР в Абудже также раскритиковал «бесчеловечное обращение», с которым африканцы сталкиваются в Китае.

Сообщения о «расистских» настроениях китайцев в отношении африканцев, прежде всего именно нигерийцев, появлялись и раньше и, можно сказать, имели под собой почву,

так как отдельные группы выходцев из «африканского гиганта», действительно, неоднократно замечались в торговле наркотиками и в других незаконных действиях, арестовывались и изгонялись из страны. Одним из негативных последствий как криминальной деятельности нигерийцев, так и реакции африканской диаспоры в КНР на действия местных властей стал рост недоверия между китайцами и африканцами, периодически обострявшегося и выливавшегося в уличные столкновения и другие акции.

Однако, несмотря на довольно резкую первую реакцию министров иностранных дел ряда африканских стран на произошедшее в Гунчжоу, последующие события показали, что обе – китайская и африканская – стороны в обострении отношений не заинтересованы. Тем более что правительства и КНР, и государств Черного континента понимают, что конфликт прежде всего на руку США и его союзникам, давно вынашивавшим планы хотя бы некоторого вытеснения Китая из Африки и снижения его влияния на политическое и экономическое развитие африканских стран. Недаром именно западные СМИ больше других рассказывали об облавах на чернокожих жителей Гуанчжоу и об опечатывании их домов, тем самым подогревая у африканцев антикитайские настроения.

В этом контексте неудивительно, что в ответ на бурные «антидискриминационные» протесты африканских высокопоставленных чиновников официальный представитель МИД КНР Чжао Лицзян с присущей ему восточной мудростью пообещал своевременно отреагировать на озабоченность и просьбы африканской стороны и объяснил, что Китай пытается не допустить «импорта коронавируса из других охваченных эпидемией стран, поэтому «при осуществлении этих мер могли возникнуть некоторые недоразумения». КНР и не скрывает, что опасается начала второй волны эпидемии, а только в начале апреля в Поднебесную прибыло около 300 инфицированных африканцев. Причем в Гуанчжоу, например, в большом количестве проживают обладатели липовых и просроченных виз, к тому же, зачастую занимающиеся незаконным бизнесом и не придерживающиеся правил карантина, что не может не возбуждать недовольство властей.

7 апреля в Гуанчжоу состоялась специальная конференция, на которой, в частности, было решено «придерживаться принципов равноправия в рамках осуществления мер профилактики независимо от гражданства», осуществлять контроль над жилыми микрорайонами и местами скопления иностранцев (заведения общепита, гостиницы, рынки и др.). В связи с этим полицейские рейды, «жертвами» которых нередко становились африканцы, вряд ли можно назвать «китайским расизмом». Хотя без «эксцессов» в виде, например, «жестких» задержаний, конечно, не обошлось. Тем более что в кампанию по выявлению нарушителей карантина включилось и местное население, ожесточенное событиями последних месяцев.

События в Гуанчжоу, безусловно, могут оказать некоторое, но едва ли длительное, негативное воздействие на африкано-китайские политические, экономические и культурные контакты, которые в последние годы активно развивались.

В ситуации, когда весь мир озабочен пандемией и ее последствиями, трудно дать объективную оценку того, кто больше виноват в социально-экономических катаклизмах и в событиях, подобных тем, которые произошли в Гуанчжоу и других городах Китая. Безусловно, и среди китайцев есть «расисты» – подобные явления обычно в наибольшей степени распространены на «бытовом» уровне, и африканские руководители излишне резко – в данном, эпидемиологическом, контексте – комментировали события, что отчасти объясняется тем, что китайцы, действительно, далеко не всегда «уважительно» относятся к африканским работникам китайских и смешанных предприятий в Африке, т.е., в известном смысле, события в Гуанчжоу «пали на благодатную почву». Поэтому уповать остается лишь на то, что после окончания эпидемии все вернется на «круги своя», хотя, как уверяют многие СМИ и ученые, «мир уже не будет прежним». Как, возможно, и Китай в постковидный период, столкнувшись с экономическим спадом, не сможет помогать и инвестировать в Африку в прежних объемах.

В свою очередь, Россия, как и Китай, уже откликнулась на просьбы ряда стран Тропической Африки помочь им в борьбе с распространением эпидемии. Так, в Демократическую республику Конго были отправлены две мобильные лаборатории, которые позволят ускорить проведение тестирования на коронавирус; в Гвинее специалисты Роспотребнадзора продолжают работы в Российско-Гвинейском научно-исследовательском центре эпидемиологии и профилактики инфекционных болезней, в страну уже поставлены российские тест-системы и реагенты для проведения примерно 7 тыс. тестов.

Нигерия пока не обращалась к России за помощью в борьбе с COVID-19. Однако Роспотребнадзор работает над расширением взаимодействия со странами Африки в области профилактики и борьбы с инфекционными заболеваниями, и, представляется, что у двух стран есть чему поучиться друг у друга.

Т.С. Денисова, к.и.н.,
вед.н.с., зав. Центром изучения стран Тропической Африки
Института Африки РАН